

УДК 27:130.2

A16

**«ВГОРУ ПІДНЕСІМО СЕРЦЯ»
(ХРИСТІЯНСЬКИЙ ІДЕАЛ В ЙОГО ВІРТУАЛЬНОМУ ТА РЕАЛЬНОМУ
БУТТІ)**

доктор філологічних наук, професор, Абрамович С. Д.

Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
Україна, Чернівці

Предметом дослідження у статті є проблема історичної ролі християнського ідеалу в нашій культурі. За мету покладається аналіз внутрішньої структури останнього. Використовується еволюційна методологія, яка дозволяє виявити формування цього ідеалу в контексті відторгнення язичницьких уявлень про прекрасне і належне та в генетичному зв'язку зі вченням Старого Завіту. Ставиться питання про долю цього ідеалу в секуляризованому полі Модерну і Постмодерну, коли запанував дух неязичницького реваншу, народжений ще в лоні Ренесансу. Тим само доводиться унікальна роль християнського ідеалу в формуванні європейського персоналізму. Це мусить скоригувати децю тенденційні твердження минулих років. На думку автора, безперечно, що християнський ідеал і досі має широку сферу застосування; він спрямований на практичну реалізацію уявлення про обожену людину. Не пропагуючи християнство, автор статті водночас наголошує на його особливій ролі в нашій аксіології.

Ключові слова: культура, християнський ідеал, обожена людина, аполонічний первінь, проект Просвітництва.

доктор филологических наук, профессор, Абрамович С. Д. «ГОРЁ ИМЁИМ СЕРДЦА» (христианский идеал в его виртуальном и реальном бытии)/ Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина, Черновцы.

Предметом исследования в статье является проблема исторической роли христианского идеала в нашей культуре. Целью полагается анализ внутренней структуры последнего. Используется эволюционная методология, которая позволяет выявить формирование этого идеала в контексте отторжения языческих представлений о прекрасном и надлежащем и в генетической связи с учением Ветхого Завета. Ставится вопрос о судьбе этого идеала в секуляризованном поле Модерна и Постмодерна, когда воцарился дух неязыческого реванша, рожденный еще в лоне Ренессанса. Таким образом, доказывается уникальная роль христианского идеала в формировании европейского персонализма. Это должно скорректировать несколько тенденциозные утверждения прошлых лет. По мнению автора, бесспорно, что христианский идеал до сих пор имеет широкую сферу применения; он направлен на практическую реализацию представление о обожёном человеке. Не пропагандируя христианства, автор статьи вместе с тем подчеркивает его особую роль в нашей аксиологии.

Ключевые слова: культура, христианский идеал, обожённый человек, аполлоническое начало, проект Просвещения.

Ph. D. hab. (filologia), Prof., Abramovych S. D. «LIFT UP YOUR HEARTS» (Christian ideal in its virtual and real existence)/ Kamenetz-Podolsk National University n. a. Ivan Ogienko, Ukraine, Chernivtsi.

In the article the subject of study is the problem of the historical role of the Christian ideal in our culture. The goal is the analysis of the internal structure of the latter. Used evolutionary methodology that reveals the formation of this ideal in the context of rejection of pagan ideas of the Beautiful and Good and genetic connection with the teachings of the Old Testament; the question of the fate of the secular ideal in the field of Modern and Postmodern when reigned the spirit of neo-pagan revenge born back in the bosom of the Renaissance. It proved a unique role of the Christian ideal in the formation of the European personalism. This should be adjusted somewhat tendentious statements of previous years. According to the author, it is indisputable that the Christian ideal still has a broad scope; it is aimed at the practical realization of the idea of man as the bearer of the image of God.

Author does not advocate Christianity, but emphasizes its crucial role in our culture.

Key words: culture, the Christian ideal, the Image of God in a man, Apollonian beginning, Enlightenment project.

Начнем с того, что нормальному человеку хочется не только грубых земных радостей, но и, как выразилась некогда З. Гиппиус, «того, чего нет на свете». И здесь выступают в качестве репрезентативной бинарной оппозиции библейские Исаи и Иаков. Первый, «мясной» здоровяк, не умеющий выговорить слово «чечевица», за которую он продает свое первородство, с точки зрения сегодняшнего секуляризованного обывателя – «именно то, что надо». «Ненормален» скорее уж второй – Иаков, трепетный романтик, отчаянно похитивший у тупого брата-близнеца какую-то там призрачную привилегию первенства; чудак, отслуживший четырнадцать лет за любимую Рахиль (мало ли девушек на свете?!); юродивый, принявший за реальность увиденную во сне лестницу между небом и землей, по которой спускаются ангелы; бесноватый, будто бы вступивший в осязаемую борьбу с самим Богом. Однако движение культуры определяют все же не «исавы», а «иаковы». Культура, в отличие от природы, не «познается», а рождается в творчестве, в человеческом дерзании и самоутверждении. За истекшие века представления об их соотношении, конечно, менялись (см.: 1). Но как симптоматично, что древние римляне, оставившие нам в наследие слово культура (первоначально оно означало возделывание земли), противопоставляли лес и парк, предпочитая последний первому.

В последнее время возобновляется интерес к тому интеллигибельному моменту человеческого сознания, который Платон определил как сферу идей. Но, в отличие от многих аналогичных явлений, только христианский культурный идеал абсолютно внеположен реальности. Даже идея Единого Бога не является сугубо христианской: помимо иудаизма и ислама, она существует в как бы связанном виде даже в языческих системах («Бог богов»). Согласно Юнгу, идея Всемогущего Божества является всеобщим архетипом коллективного

бессознательного; именно Христос – символ Самости, центр тотальной, беспредельной психической личности [2, гл. 5]. В христианской этике существуют постулаты, не имеющие аналогов других духовных системах: учение о страдании как о благе, о непротивлении злу насилем, о любви к врагам и всепрощении и др. «Идеал христианства связан с любовью человека как с естественным состоянием освобожденной души. Любящая душа – это и есть свободная воля человека, обусловленная не внешним принуждением, а внутренним побуждением» [3, с. 70]. И вообще, именно христианству мы обязаны возникновением чувства ценности личности. П. С. Гуревич говорит о историко-культурной роли христианской версии человека: «Именно христианство явилось почвой европейской персоналистской традиции. В нем личность понимается как своеобразная святость, абсолют. Личность не есть нечто тварное, она представляет собой и божественное начало. Речь идет о трактовке человека как безусловной ценности. Христианство в целом принципиально отличается от язычества в понимании человека. Оно подчеркивает в нем индивидуальное, тогда как язычество растворяет индивидуальность в какой-либо социальной общности» [4, гл. 7].

Сегодня мы живем в лоне секуляризованной европейской культуры, в которой теоцентрическая картина мира сменяется человекоцентрической. И поэтому выпревшие порывы Средневековья тут воспринимаются как, мягко говоря, блажь. Средневековье давало перспективу спасения в Вечности; Новое время заменило последнюю политической утопией. Но однозначно ругать опыт Средневековья, что принято было со времен Вольтера, как-то уже не получается, особенно после исследований Ле Гоффа и им подобных работ. Как утверждает сегодняшней французский исследователь А. Бульнуа, именно Средневековье поставило те основные вопросы, которые эпоха Модерна и Постмодерна лишь варьирует и перетасовывает [5].

Все это заставляет с серьезностью отнестись к тому, «чего нет на свете». В последнее время широко употребляется термин виртуальная реальность, авторство которого приписывают американскому компьютерщику Дж. Ланье (Jaron Lanier), и такая реальность мыслится как «компьютерная действительность». Но на самом деле понятие виртуальная реальность восходит к средневековой христианской богословской мысли. Уже Василий Великий, Фома Аквинант, Николай Кузанский обосновали наличие определенной связи между реальностями, принадлежащими к различным уровням иерархии [6, с. 177–180]. Ключевым словом в процессе установления этой связи служит *virtus* – мужество, храбрость, стойкость. Если добавить к этому, что второе ключевое слово ситуации – *religia* – означает «восстановление разрушенной связи», то речь в целом идет об отчаянном по своей смелости экстатическом прорыве реальности, обретении некой сверх-реальности, которая есть сфера идеального. Характерна цитата из проповеди о. Виталия Борового, произнесенной в Богоявленском соборе Москвы: «христианство <...> общественная сила, образующая все человечество в единое святое христианское идеальное общество» [7] (выделено мной, С. А.). Это заставляет задуматься над тем, какую же роль играет в нашей культуре христианский идеал, вот уже две тысячи лет низвергаемый и попираемый, предающийся разнообразному

передергиванию, откровенному глумлению или скептическому игнорированию. Ведь тут все строится на идее богообщения, на умении увидеть между реалиями лестницу Иакова, ведущую в небеса.

Материалистически мыслящие ученые трактуют ситуацию богообщения как патологию – шизофрению или эпилепсию, беседу с самим собою [8, с. 213; Ref. 1, с. 498]. Делается это, невзирая на то, что, по самым разноречивым данным статистики, большинство людей на земле все же религиозно и, соответственно, массово должно быть записано в ряды эпилептиков и шизофреников [9, 10]. Но транс такого рода – необходимое условие существования человека. Для многих религия – это сфера чисто мифологического сознания, «темных» эмоций и фантастических образов, продукт «недоразвитого» мозга. Религиозные представления отождествляются с художественными образами, приравниваются к миру поэтической фантазии. Однако в действительности эмоция, экстаз молитвы и т. п. вещи не исчерпывают понятия религии. Религиозный опыт означает очень сложную психологическую работу, включающую, по Р. Отто, иррациональное и рациональное в некоем симбиозе [11, с. 7–8]. Бесспорно также, что религиозный транс – т. н. измененное состояние сознания, ощущение выхода за пределы собственного «я» и слияния с божеством, – активно оплодотворяет культуру. Как убедительно показал в своем интегрирующем исследовании К. Г. Доусон, именно религия определяет движение культуры в целом [12].

Поскольку величие Вселенной не дает надежды, что каждое человеческое существо в продолжение своей краткою жизни постигнет все существующие реалии, остается смириться с тем, что знать нам дано очень и очень мало, что большинство этих реалий навсегда останется загадочными «вещами в себе». Непонятность мироздания – извечная проблема человека, причем, как заметил Зенон, чем более человек познает, тем более расширяется островок его знаний в необъятном океане незнания, то есть – границу стыка с этим океаном. Человек, который углубляется в эти проблемы, часто доходит до отчаяния от невозможности рационально объяснить мир. Ведь никому жизни не хватит, чтобы освоить все науки мира и создать логическую и правдивую картину реальности. Это порождает ощущение малости и слабости человека, и оно небезосновательно. Внезапная болезнь, потеря близких, стихийное бедствие, уносящее жизни тысяч людей, непонятность собственной судьбы и будущего в целом – все эти вещи способны разрушить доверие к мирозданию. Экзистенциальные вопросы учеными не решены и вряд ли когда окончательно будут решены, хотя, сколько существует человечество, столько над ними ломают голову виднейшие мыслители. Религия, поверяющая реальное категорией должного, идеального, компенсирует дискретность, приблизительность и изменчивость как научного знания, так и житейского опыта, всегда имеющих дело со случайным и частным.

Отсутствие цивилизованной религиозности тут же восполняется разнообразными суррогатами. Вне всякого сомнения, т. н. секуляризованные религии с их культом государства, расы, нации, класса или вождя есть явная подмена Божества материальным фантомом, точно так же, как фантомами псевдорелигии являются культы денег, секса, положения в обществе и пр. В этом же ряду – алкоголизм и наркомания, дающие точно такую же по природе иллюзию

обретения виртуального идеала. Люди нуждаются в Sacrum, и если не удастся найти достойный объект для «езды в неизвестное», то начинается неистовое поклонение идолу, кованному, тесанному или психологическому. Есть даже форма неразделенной любви, трактуемая медиками как психическая болезнь, – это некритическое преклонение перед любимым человеком, настоящее обожествление его, столь же беспочвенное, сколь и жгуче-необходимое: будь моим идеалом! Стоит вспомнить несчастную дочь В. Гюго, одержимую страстью к явному мерзавцу. Иными словами, безрелигиозных людей, по сути, нет, есть лишь более или менее культурные формы религии и масса духовных суррогатов, которыми травятся, как дешевой самогонкой. В наш век неоязыческого реванша недостатка в предлагаемых объектах преклонения не наблюдается – от разнообразных политических вождей и сомнительных ловцов душ до идолов эстрады, столь полно воплотившей Проект Просвещения в сфере секуляризации культуры.

Но в глубине подобного порыва все же лежит тоска по совершенству и мучительное осознание своей малости и ничтожности. Но если в цивилизованных религиях Бог и человек взаимопростирают руки, как на знаменитой фреске Микельанджело, то в религиях низшего порядка и в псевдорелигиях человек охотно приносится в жертву жутким божествам – мифическому олицетворению демонических начал собственной души. Историческая роль христианского идеала в том и состоит, что эти бестиальные начала здесь были табуированы. Высококультурные римляне, например, тешились гладиаторскими боями, выросшими из ритуального умерщвления пленных, и случалось, что сенатор в белоснежной тоге кидался на арену, чтобы попить свежей крови из вены поверженного бойца. Очень человечно, не правда ли? Но ценности античного человека именно такими и были: славная победа, унижение врага, свежая его, врага, кровушка... Победа христианского идеала в том и заключается, что сегодня даже самый откровенный «слуга антихриста» вынужден хотя бы в риторике своей от подобных радостей откаться. Впрочем, наблюдая заседания нашей Верховной Рады, подчас не можешь отделаться от впечатления, что не хватает разве что белых тог...

И все же в основе словосочетания «христианский идеал» лежит некий идейно-стилистический оксюморон. Идеал (от греч. ἰδέα) – понятие, рожденное в античной культуре, оно означает явление, очищенное от всего, что искажает его сущность, и все это генетически связано с философией Платона, в которой Идея является, по сути, единственной реальностью, в то время, как изменчивая материя и ее слабое отражение – искусство суть лишь расплывчатые тени той незыблемой Матрицы, которую Платон именовал миром идей, истекающих от ὄν, Единого. Однако античное сознание наиболее свободно чувствовало себя в сфере μή ὄν, переменчивой и тленной прелести телесного. Как отмечает М. Хайдеггер, «...само сущее, когда-то властвующее, опускается до того, что Платон называет μή ὄν, то, чего, собственно, не должно было быть и что, собственно, также не есть, потому что оно всегда, в осуществлении, искажает идею, чистоту вида, встраивая его в материю» [13, с. 88]. Характерно, что построенное на мимезисе (подражании природе) искусство, пусть и нелюбимое Платоном, тем не менее в античной культуре весьма широко утвердилось, воспевая красоту материального мира, его

героев, мудрецов и прелестниц. Даже боги были здесь телесны и, в частности, питались вполне материальными нектаром и амброзией (любопытно, что «амброзия» в архаической Греции означало просто «каша с медом»). Идеальное тут означало наиболее совершенное физическое тело.

А вот для авторов Библии, последовательно проводящей идею внеположности Бога материальному миру, никак не могли стать предметом восхищения «чувственный блеск вещей» и дела преходящих, «временны́х» лет. По Библии, материальный мир был создан Богом из «ничего» (ex nihilo; гебр. לַבְּלֵא – шиболёт) и мыслился как Творение, нередко входящее в распрю со своим Творцом. Копирование внешних форм мира считалось здесь, как и у Платона, бессмысленным умножением безжизненных истуканов (Декалог). Характерно, что Бог у схоластов именовался Creator, а дьявол – Master, способный лишь на создание симулякров («прелестных», т. е., обольстительных образов). Если что и восхищает библейских авторов, так это Божий план создания космоса: так, Премудрость Господня прекраснее светил небесных, ибо она – устроительница мира (חָכְמָה – амён). Не физиологическая «радость жизни», присущая античному человеку, одухотворяла народ Библии, а, наоборот, чувство временности, непрочности этой жизни, ощущение постоянного присутствия в нем Всевидящего Ока, неизбежности перехода к вечности.

Это был теоцентричный космос, вращающийся вокруг Яхвэ. В древнеизраильском сознании телесная красота и чувственный блеск вещей воспринимались лишь как мимолетный и изменчивый отблеск Божественного. Библейский идеал возникает не путем кристаллизации, отбора наиболее прекрасных форм материального мира; он отчетливо спиритуален, и мыслился как изначальный прообраз, архетип материальных вещей (учение Филона Александрийского); при этом, в отличие от учения Платона о μὴ ὄν, Творение задумано Богом как нечто прекрасное, и земной жизни следует радоваться. Лишь на первый взгляд библейское представление об Идеальном сходно с платонизмом: последний исходил из взгляда на Космос как на прекрасную застывшую гармонию материальных объектов, а в Библии прекрасно лишь движение мира к Богу (עוֹלָם – олам). Платона авторы Библии не знали, хотя позже церковь адаптировала этого философа – потому, что его идеи все же шли как бы навстречу идеям, возникшим в другом месте Средиземноморья.

В античной культуре литературе доминировали пластические искусства, и даже в литературном творчестве превалировала «живопись словом»:

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.
Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо...

Илиада. Песнь восемнадцатая. (Перевод Н. И. Гнедича).

В Библии же первенство отдается Слову как таковому. Собственно, материальный мир и был создан Словом Божиим, которое позже осмыслиется как Христос, второе Лицо Троицы, Творец Материи («В начале было слово...»). Адаму в раю дана власть именовать вещи; развитая речь отличает человека от зверя и свидетельствует о степени полноты в нем образа Божия. Доминирование в библейском обществе вербального способа коммуникации и предпочтение слова и музыки пластическим искусствам свидетельствуют о преклонении перед «духом», а не «образом». В частности, в Библии присутствует категорический запрет на изображение фигур людей или животных: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой» (Ис. 20:4-5) [здесь и далее ссылки на библейский текст даны по изданию: 14]. Ведь повторение форм окружающего мира в искусстве – тот самый мимезис, который осуждал Платон и превозносил Аристотель, – есть как бы соревнование с Творцом, грех. Особенно неприемлемы изображения как объект религиозного поклонения, ибо Бог не явил людям своего лица, и оттого изображения Божества категорически отринуты, табуированы.

Рядом со словом или музыкой всякое изобразительное искусство выглядит достаточно грубо и тяжеловесно. Вот почему еврейство не могло воспринять эллинистической цивилизации, расценивая её эстетическо-художественные устремления как снижение духовного полёта. Несмотря на наличие отдельных явлений изобразительного искусства, еврейская культура почти целиком строится на Библии, ее дух определяет и характер музыкального творчества. Отсюда – «разреженная» по сравнению с культурами иных народов древности атмосфера, атмосфера взлета над обыденным и земным, ликующей духовности, если угодно – выпренности.

Если в языческих системах с их релятивной моралью с равным усердием поклонялись как Правде, так и Кривде (вспомним не только благостных Кришну или Митру, но и сонм ужасающих и омерзительных божеств этих пантеонов), то в основу библейского идеала положено служение Богу как Отцу Правды. Характерная параллель: в античном обществе существовал настоящий культ красная-ритора, которому, по императорскому эдикту, обязаны были уступать дорогу даже лица в чине прокуратора (впрочем, в эллинистическую эпоху оратора непочтительно именовали в народе κλωσ – брехун). Наш κλωσ ловко играл с истиной, что поражало аудиторию, лишённую нравственного чувства, – как известно, совести у античного человека еще не было [15]. Прокуратор Понтий Пилат скептически спрашивает у связанного Иисуса: что есть истина? – ответом было молчание. Впрочем, тем, кто и в самом деле интересовался проблемой, Иисус сказал: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5: 37).

Одно из впечатляющих «чудес истории»: когда римскими дорогами побрели плоховато владеющие койне и латынью ученики Христа, проповедующие нечто для античного человека странное: Бог есть любовь! Радуйтесь, Христос воскрес! Подставь под удар и вторую щеку! и пр., – то мир, закосневший в жестокости, как

воин в чужой засохшей крови, триста лет подвергавший христиан гонениям, все же содрогнулся и принял учение о всепобеждающей любви как Божественной правде.

Этот культ правды был прямым воплощением идеала в повседневности, вопреки вопиющему несоответствию этой повседневности библейскому идеалу жизни с Богом. Церковь христианская прекрасно видела человеческое несовершенство, но оптимизм вселяла Библия, обещавшая: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну (шерсть, С. А.) убелю» (Ис. 1:18). Царь Давид, совершивший одним махом ужаснейшие вещи – предательство, блуд с чужой женой и смертоубийство – находит силу покаяться: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Псл. 50:12). Иоанн Златоуст указывает на это покаяние как на величайший пример для христианина: «Таких слез, вздохов и рыданий днем и ночью вряд кто увидит...» [16, с. 155].

В эпоху Средневековья Библия стала Великим Интертекстом культуры: ведь основоположные представления о Едином Боге и об особом месте человека в мироздании перелились из ветхозаветного иудаизма в духовные системы христианства и ислама. Но при этом только христианский мир исходил из тезиса Августина (IV в.) об испорченности человеческой природы первородным грехом (типичная «культура вины», по Р. Бенедикт), что, однако, не помешало церкви более чем активно заняться исправлением этой природы и обожением человека; она стремилась поднять его до ангельского уровня. Характерно, что в византийской культуре, наиболее последовательной в этом отношении, вообще отсутствует интерес к «притягательности зла»: помимо задачи обожения все остальное понимается как «профанное», в том числе – мир как бы «исконно человеческого»: повседневных житейских ценностей и страстей – согласно известному разделению людей на телесных, душевных и духовных у ап. Павла. Соответственно христианская эстетика предельно спиритуализована, она полностью «разрезает» материальное. Эта позиция развита в учении богословов о Божественном Прообразе красоты, об иконе как отблеске Града Небесного. Михаил Пселл говорит, что, хотя икона поражает своей неопишуемой красотой, изображение вряд ли адекватно прообразу, несравненно превосходящему ее. Осюда и рентгенирование реальности в силовых линиях того, что верующий понимает как Царство Небесное, абсолютное превалирование Добра над Злом.

Практика обожения ежедневно культивировалось и в частной молитве, и в литургии, когда молящиеся проникались в момент Евхаристии призывом «*Мы, в Херувимов тайно пресуществляясь...*» и возвышались до ощущения близости Царства Небесного: «*Вверх воздымаем сердца!*».

Идеальное в христианской этике и эстетике проникнуто чувством ценности человека как образа Божия, высшего материального воплощения Бога. В ряде исследований (труды К. Бурдаха, А. Лосева, Дж. Тоффанина и др.), подчеркивается, что подлинный гуманизм сформировался в учении Отцов Церкви, а с ренессансных времен утверждается секуляризированный вариант гуманизма [17, с. 56–57].

И гуманизм этот идеально укладывается в любимую формулу К. Маркса «я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как говорится в русской пословице, свято место пусто не бывает. Sacrum сначала пробуют, в духе господствующей в Век Разума художественной системы классицизма, заменить Прекрасным. Характерно, что именно на рубеже XVIII–XIX вв., когда борьба с христианской культурным наследием ведется уже вполне открыто, на основе осмысления антично-классицистического опыта у А. Баумгартена рождается новое понятие – эстетического (греч. αἰσθητικός означает «чувственно воспринимаемый»), которое теснит привычное в христианстве превалирование этических критериев. Кант уже видит специфику искусства исключительно в блестящей внешней форме. А искусство вполне может быть столь же аморальным, сколь и великолепным по форме: достаточно вспомнить творчество апологетов фашизма 1-й пол. XX в. Это прямо связано с девальвацией христианского спиритуального идеала. Теперь же то, что К. Маркс восторженно именовал чувственным блеском вещей, гипнотизирует и массовое сознание, и слой интеллектуалов. В XIX веке в Европе наступает эпоха тотальной очарованности материей, ее гламурными переливами; материя выступает как замена понятия «Бог» – и в науке, и в художественном творчестве, и – все шире – в массовом сознании. Это совпадает с серьезным смещением аксиологических акцентов: святыней объявляются, как и в добрые старые языческие времена, ценности политические (родина, государство, народ, вождь), семейные (материнство или ребенок), или такие попорванные некогда интеллектуалами Средневековья вещи, как богатство, самоценное телесное здоровье, сексуальная активность и даже полное отсутствие моральных табу. В итоге борьбы за материальные блага, утопические мечты, как и следовало ожидать, переформируются. Уже не только в Европе, но и в мировом масштабе, возникают т. н. «секулярные религии», строящиеся, как и в языческие времена, на обожествлении тех или иных материальных объектов. Снова сакрализируются материальные блага: пища, деньги, род и племя, сексуальная энергия и, конечно же, партийные вожди: достаточно вспомнить культы Гитлера, Сталина или Мао Цзэдуна и то немаловажное обстоятельство, что идеи, которые они выдвигали, почитались настоящими человеческими жертвоприношениями в невероятных масштабах.

Сегодня мы живем в лоне секуляризованной европейской культуры, в которой теоцентрическая картина мира сменяется антропоцентрической. Но именно поэтому «эмансипированным человеком» Нового времени выпревшие порывы Средневековья воспринимаются как нечто дурацкое. С Ренессанса, положившего начало языческому реваншу, в эпоху Модерна и Постмодерна, возобладал дух протеста и отрицания. Как результат, распространился циничный скепсис, разлился эрос без границ, опозитизированы были убийство и садизм, оккультные полеты в темную даль сатанинского и еще много того, что высвободилось из недр человеческой души после падения церковного авторитета. При этом Модерн, как бы утрируя августинову концепцию греховности и вытравляя из нее все светлое, активно конструирует – как отмечает сегодняшний российский философ, вопреки реальному положению вещей – концепцию

«низменности» человеческой природы и стремится доказать, будто человек был таким всегда [18, с. 54]. Перспектива Вечности снята и заменена утопическими обещаниями построить земной рай, в которые сегодня верят разве что очень уж неискушенные люди.

Однако существует реальное подвижничество миллионов прославленных и непрославленных христиан: это очень трудный культурный путь, требующий, в отличие от языческой жизни «по нутру» или же «по настроению», кропотливой и тщательной работы постоянного самосовершенствования, исповедей и постов, непрестанного вставания после падений и преодоления отчаяния, величайшего из грехов. Достаточно взять во внимание толщу агиографической литературы – даже если учесть удельный вес фантастического и пропагандистского элемента, поражает огромное количество мучеников, исповедников, постников, затворников, юродивых Христа ради (что выше мученичества!) и пр., стремящихся уже при жизни совлечь с себя «ветхого Адама» и стяжать Царство Небесное. Высокое отречение от соблазнов мира, необычайная воля и самообладание придают этой когорте черты настоящей героики, а трогательные слабости и постоянно преодолеваемое несовершенство не дают забыть о том, что всякий из них – обычный, такой же, как мы, человек. Вместе с тем, «главный человек» христианской литературы – монах, безбоязненно идущий навстречу самой смерти. Наверное, все же прав В. Лурье, считающий наиболее четкой концентрацией христианского идеала монашество с его полным отказом от всего, что отвлекает от пути в эту сияющую вертикаль [19]. Но потрясает не только победа монаха над самим собой, а и необыкновенный накал страстей, трагические конфликты и срывы, живая человечность повествования.

В Прологе – византийском сборнике житий VI века – есть потрясающая история о святом отшельнике, которому родители малолетней больной девочки доверили свое чадо в надежде на исцеление. Но в старца вошел бес, он изнасиловал ребенка и убил его, после чего умчался в горы как дикий зверь, пожираемый чувством собственной низости и богооставленности. Еще более, однако, потрясает то, что он находит в себе силы вернуться к родителям несчастного дитяти и покаяться. И еще более потрясает то, что родители покаяние это приняли. Однако еще более потрясает то, что Бог простил раскаявшегося, и святость вернулась к нему. То есть, идеальное полностью покорило строптивое реальное, Бог изгладил в природе дьявольский бунт, обычно называемый на нашем научном языке эволюцией, и мир вернулся к Богу-Творцу и его законам.

Выводы.

Оплодотворяющая мощь библейско-христианского идеала очевидна. И т. н. «аполлоническое» начало европейской культуры, выделенное Ницше, определяется все же не только древнегреческим культом Аполлона, но и библейским форматом. Поэтому удручает, что в наших учебных программах упорно наследуются просветительно-классицистические предрассудки. Так, гуманитариями-филологами подробно изучаются любовные похождения Зевса и прочие мифологические сюжеты античности, а Библия и средневековая литература во всей ее полноте из этих программ все еще изъяты.

Но менее всего мы хотели бы, чтобы наши соображения были поняты как односторонняя апология христианства. Сохранять, ревизовать или отвергать аксиологию христианства, принадлежать или не принадлежать к той или иной деноминации – дело личной совести каждого. Более того, Европа в этом отношении как бы уже сделала свой выбор, который, впрочем, далеко не во всём кажется разумным. Достаточно указать на провал постмодернистской по своим установкам политики мультикультурализма, присутствующей сегодня, можно сказать, на собственных похоронах. Но дискуссионность сегодняшних перспектив европейской культуры не должна снимать вопроса об исторической роли христианства в формировании нашей культурной самоидентификации. Ведь игнорирование этого большого и сложного вопроса тем самым уже есть тенденциозное истолкование самих этих перспектив.

Литература:

1. *Натура и культура. Тезисы конференции (Москва, ноябрь 1993).* – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. – 83 с.
2. Юнг К. Г. *Исследование феноменологии самости* / Карл Густав Юнг. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. – 336 с.
3. *Полищук В. И. Культурология: Учебное пособие* / В. И. Полищук. – М.: Гардарики, 1999. – 446 с.
4. Гуревич П. С. *Философия человека.* – Ч. 2 / П. С. Гуревич. – М.: ИФ РАН, 1999–2001. – 209 с.
5. Бульнуа О. *Що нового? Середньовіччя* / Олівер Бульнуа // *Філософська думка.* – 2010. – № 1. – С. 114–136.
6. Дубовицкая Д. А. *Семантика понятия виртуальности в рамках историко-философского аспекта* / Дарья Александровна Дубовицкая // *Социально-экономические явления и процессы.* – 2012. – № 3. – С. 177–182.
7. Боровой В., протопресвитер. *Стяжание Духа Святого начинается уже здесь, на земле* / Виталий Боровой. – *Электронный ресурс.* – Режим доступа: <http://www.psbm.ru/obshchinno-bratskaja-zhizn/u-kogo-my-uchimsja/statja/stjazhanie-dikha-svjatogo-nachinaetsja-uzhe-zdes-na-zemle/>. – Заголовок с экрана.
8. Богачевська І. *Християнська наративна традиція: методологія філософсько-релігієзнавчого аналізу* / Ірина Вікторівна Богачевська. – К.: Світ знань, 2005. – 236 с.
9. *Корреспондент: Эпоха безбожников. Почему в мире стремительно падает количество верующих* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/world/1388249-korrespondent-epoha-bezbozhnikov-pochemu-v-mire-stremitelno-padaet-kolichestvo-veruyushchih>. – Заголовок с экрана.
10. *Соціологи підраховали кількість вірян на Землі: найбільше християн і мусульман* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dt.ua/SOCIETY/sotsiologi_pidrahuvali_kilkist_viryar_na_zemli_naybilshe_hristiy_an_i_musulman.html. – Загол. с экрана.
11. Отто Р. *Священное. О рациональном в идее божественного и его соотношении с иррациональным* / Рудольф Отто. – СПб : Изд-во СПбГУ. – 2008. – 274 с.

12. Доусон К. Г. *Религия и культура / К. Г. Доусон / Пер. с англ., вступ. ст., коммент.: Кожурин К. Я. – СПб.: Алетейя, 2000. – 281 с.*
13. Хайдеггер М. *Введение в метафизику. Лекции, прочитанные Хайдеггером в летнем семестре 1935 года / Мартин Хайдеггер. – Перевод с немецкого Н. О. Гучинской. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997. – 302 с.*
14. Библия. *Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1970. – 1372 с.*
15. Юнг К. Г. *Исследование феноменологии самости / Карл Густав Юнг. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. – 336 с.*
16. *Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. – Т. 1. – Кн. 1. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898. – 721 с.*
17. Чікарькова М. Ю. *Біблійний антропоцентризм та його роль у становленні європейської культури: монографія / Марія Юріївна Чікарькова. – Київ: Видавн. дім Дмитра Бураго, 2010. – 309 с.*
18. Пигалев А. И. *Деконструкция денег и постмодернистская концепция человека / Александр Иванович Пигалев // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 50–60.*
19. Лурье В. М. (еп. Григорий). *Призвание Авраама : Идея монашества и ее воплощение в Египте / Вадим Миронович Лурье. – СПб.: Алетейя, 2000. – 243 с.*

References:

1. Salver J. L., M. D.; Rabin J., M. D. *The neural substrates of religious experience / Jeffrey L. Salver, John Rabin // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. [The official Journal of the American Neuropsychiatric Association; special issue: the neuropsychiatry of limbic and subcortical disorders, NY]. – 1997. – V. 9. – № 3. – P. 498–510.*